

Пятнадцать лет назад в одиннадцатом — двенадцатом номерах журнала «Новый мир», который тогда выходил под редакцией бессмертного Александра Твардовского, была опубликована первая часть романа Николая Воронова «Юность в Железнодорожье». Первоначально сорокадвухлетний уральский самородок — прозаик, публицист и поэт — определил жанр своего произведения как повесть, но крупные литераторы поняли, что на их глазах рождается правдивый и честный роман. Он стал мощным художественным исследованием судеб нескольких поколений крестьянских семей, приближавших самоотверженным трудом победу над фашизмом... В их числе Серёжа Анисимов — главный герой — и его сверстники-подростки встали у заводских печей и станков, выполняя тяжёлую героическую работу... Роман принёс Воронову огромную славу и большие страдания. Со всех сторон писателю-правдолюбу приходили письма и от простых читателей, и от крупных знаменитых писателей...

Слово — выдающемуся русскому поэту и публицисту, уральцу, лауреату многих литературных премий *Валентину Сорокину*:

«...Главная песня Воронова — роман многоплановый, многострадальный, „Юность в Железнодорожье“, привлёк внимание не только народа, но и прежде всего ЦК КПСС — долбили, учили, дёргали, отлучали, винули...»

Слово — *Виктору Петрухину*, автору и разработчику общественно-персонализированного способа производства и присвоения, помощнику депутата Государственной Думы России 1-го созыва, члену Союза писателей России:

«Перечитал роман Николая Павловича Воронова „Юность в Железнодорожье“. И усилилось моё первое впечатление от этого великого произведения. Я читал его в журнале „Новый мир“ в ту далёкую пору моей молодости, когда остро чувствуешь правду жизни.

Николай Воронов в 1963 году. Фото подписано жене Татьяне Петровне: «На вечные времена Танюше-лему-рочке от летнего, знойного Н. В.»

В 1963 – 1969 годы Николай Павлович работал ответственным секретарём Калужской областной писательской организации. Он часто устраивал встречи местных поэтов и прозаиков с московскими поэтами и писателями. Мы приезжали в Калугу. Тогда я и познакомился с этим невысокого роста, круглолицым человеком с внимательными глазами. В 1968 году в журнале „Новый мир“ была опубликована первая часть романа Н. П. Воронова „Юность в Железнодорожье“.

После Калуги была Москва, притягательный дом в Переделкине. Наши смелые разговоры о насущном, поучительные встречи.

В Переделкине

Черёмуха душистая,
И небо в облаках,
И солнышко лучистое,
И тропка в лопухах.

Такая птичья вольница:
Там — щёлк, подальше — трель,
И сосны медноствольятся,
И в них темнеет ель.

Иду по Переделкину:
Ну просто благодать!
Весна, тепло по-летнему,
И чувств не удержать...

Вот стёжка Вознесенского,
Вот Воронова дом.
Отсюда — проза веская
И строфы о святом:

„Колокола, гудошники...“
И дальше: „Барма, Дант...“
Здесь жили люди мощные —
Талантище, талант.

Москва с её теснинами,
С народом — взад-вперёд,
С ползущими машинами
Ушла за горизонт.

Черёмуха душистая,
И небо в облаках,
И солнышко лучистое,
И даль в его лучах.

Перечитывая роман через 50 лет, вижу всю горькую правду того времени и художественную мощь „Юности в Железнодорожье“. Как в капле первозданной океанской воды заключено содержимое всей океанской бездны, так это великое произведение Н. П. Воронова (огнедышащий огромный металлургический комбинат, жизнь города и многотрудная жизнь сильных и добродушных людей Железнодорожья от мала до велика) отразило жизнь всей встающей на ноги гигантской страны.

Сила „Юности в Железнодорожье“ — в правде о жизни людей, отсвечивающей разноцветно всеми своими гранями. Здесь нет крайностей, здесь — правда бытия: громыхающий, испепеляющий ад и его красота, миротворящая тишина и душевная солнечность. Именно правда романа привела в негодование номенклатуру КПСС: большое художественное произведение запретили и обругали в ведущих советских газетах.

„Юность в Железнодорожье“ нарисована великолепно, полновесным и ярким русским языком. Николай Павлович мастерски использует метафоры, гиперболы, иронии, аллегории и другие тропы. Все главные лица и второстепенные персонажи нарисованы выпукло и убедительно. Показана жизнь народа, как она есть, в каждой его индивидуальности и многообразии. Я не привожу примеры, потому что придётся переписать весь роман. И всё же не могу удержаться. Открываю книгу наугад и читаю:

В разговорах мы с Валеёй добрели до моего барака. Все окна были провалью темны, но беспокойны — то метнутся по ним электросварочные сполохи, то потекут по стёклам кровавые отсветы близкого шлакового зарева.

Час такой, когда детвору, даже самую неугомонную, сморил сон, когда ночная смена уже вся прошла на завод, а вечерняя ещё не возвращается. Домохозяйки, которым придётся потчевать поздним ужином своих шагающих из цехов кормильцев, прикорнули прямо в одежде на неразобранных кроватях, чтобы мигом вскочить, заслышав сквозь забытьё поступь родного человека по коридору, — тогда дверь с крючка, фуфайку с кастрюли, солонку на стол!

Час промежуточной тишины. Но эта тишина сродни погутренней глуши: всякий звук чеканный, как монета в роднике.

Мы стоим и слушаем ночь. Где-то, будто в земном брюхе, что-то катается. Тяжёлая это катка — в гулах, в дрожащих сжатиях, в стуках, от которых подёргиваются комбинатская низина и горы. Сквозь катку — шелест и грохот железа, откусывание чем-то огромным чего-то твёрдого, крепкого. А едва гаркнет

**С супругой Татьяной Петровной
Вороновой**

*пока светлы, ветры угомонились. И потому ещё сладко слушать
ночь, что со мной слушает её Валя.*

Николай Павлович Воронов — великий русский советский писатель. Его творчество ждёт своего Белинского, который истину жизни, озарённую поэзией, в произведениях авторов ставил превыше всего».

*Материалы подготовила
Инна ВОСКОБОЙНИКОВА-ВРОНОВА,
член Союза писателей России,
Переделкино*

Ноябрь 2018

**Павел Нилин — Николаю Воронову из Москвы в
Магнитогорск**

...Вы даже не представляете себе, как Вас любят в Москве, как постоянно вспоминают о Вас не только в нашем семействе, но и повсюду. Но надо, Коля, поскорее кончать повесть. И надо, мне гудается, делать её посовременнее в самом благородном смысле, но шире, поскольку равняюсь на скорость спутника Земли, который сейчас по-новому освещает всю нашу жизнь... Вчера вечером видел Николая Атарова. Он с особой настойчивостью интересовался Вашей повестью, и я вынужден был рассказать ему некоторые подробности...

Виктор Астафьев, советский и российский писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат пяти Государственных премий,— Николаю Воронову из Вологды в Калугу

Дорогой Николаша!

Я днями вернулся из Киева и прочёл твоё письмо, а до этого, ещё в Киеве, читал «Литературку» со всем набором подгостей и подлецов, выпущенных на твою, в общем-то, совершенно безобидную повесть...

...Совершенно ясно, даже нашему брату, несмышлёному провинциалу, что ты появился в качестве козла отпущения,— облава идёт на «Новый мир», и как раз в период облавы ты и оказался на зубе. Ведь ни одна статейка сейчас не ставится, будь она про картошку, про рабочий класс или про литературу, чтобы не лягнули «Новый мир». А ты просишь, чтобы я выступил в защиту повести?! С радостью бы, да где? Кто мне это подскажет? Я пробовал об этом заговорить в близких мне... журналах... но... умолкают глубины коридорные и щеряются от удовольствия, что взялись за «Новый мир»... гумая, вероятно, что им легче от этого будет. Даже и страшно, как обижаются гураки в злобе своей слепой.

В конце марта буду в Москве, попробую договориться где-нибудь о статье, но, откровенно говоря, не уверен, что меня поддержат, ибо делается что-то совершенно невыносимое. У меня в «Лит. России» было шесть штук «Затесей» — нашли чего-то, дальше уж ехать некуда! Дальше уж только про грибы, берёзки и пользительные травы писать будут, да такую ахиною, как рассказ... про двух жеребят, что украсил страницы того же номера «Лит. России».

Между прочим, будь у нас хотя бы маломальская законность и право защищать литературу от клеветы и разбоя, тебе можно было подать в суд на авторов письма, ибо они строят его на догадках, что, мол, де — это Магнитогорск (у Н. Воронова — Железнодорожск.— И. В.), магнитогорцы и т. д. Юридическое основание тут полностью игнорировано. Так можно судить и с «возмущением» войти в русскую литературу, строя догадки: а не про нас ли это написано у Горького или Достоевского? Да ведь никто и не возьмёт у тебя заявления в суд, откажут, да ещё и привлекут за намерение «оскорбить»... «достойных» людей, находящихся на заслуженном отдыхе.

Ах, батюшки мои, такой беспомощности и бесправия не знала ещё наша отечественная литература! Раньше часто

гузлы были, хоть смертью своей русские писатели обороняли себя, обороняли в поединке честном и бескомпромиссном. А сейчас такая сволочь, как Синельников, укус которого не смертелен, но вонь от него преотвратительная, может рвать мясо из тела русских писателей и питаться им.

Честно говорю, Коля, тебе, что я не придумал, где и как выступить в защиту повести. Сержанно объяснять геляцам, что они не правы, что... они процитировали петицию, что Железногорск — это ещё не значит Магнитогорск, что автор имеет право на домысел... Надо ум, чтобы громить эту хевру так, чтобы зубы летели у них и nepовадно чтобы было полдничать, но никто мне не даст места в прессе, не даст...

...В Киеве собираются ставить фильм по рассказу «Ясным ли днём». Будь здоров, Коля. Привет твоим домашним. Обнимаю тебя. Виктор.

Владимир Тендряков, выдающийся русский и советский писатель,— Николаю Воронову

Коля!

С некоторым запозданием дочитывал в 12-м «Новом мире» твою повесть. Слышал, что по твоему адресу раздаётся тьявканье. Лай со стороны официоза и брюзжание со стороны снобов. Ты же написал честную, чистую повесть, таково моё мнение, не оригинальное отнюдь, но, поверь, искреннее. И ты сам в человеческих отношениях вырос в моих глазах после повести. Только доброжелательный, чистый человек мог написать такое.

Держи хвост пистолетом, не обращай внимания на тьявканье. Радауюсь, обнимаю.

В. Тендряков.

17 марта 1969 года из Малеевки.

Приписка писателя **Владимира Войновича**, русского прозаика, поэта, сценариста и драматурга:

Коля, я тебя тоже поздравляю и приветствую.

В. Войнович.

Эрнест Сафонов, русский писатель-прозаик, переводчик, публицист,— Николаю Воронову

...Я поздравляю — от всей души — тебя с публикацией (хотя, признаться, в этой вещи ты какой-то новый для меня, и при встрече можно было бы поспорить по отдельным

моментам и фразам, — сейчас я «перевариваю» твою повесть, а поскольку отношусь к тяжелодумам — на это нужно время)!

**Лариса Фёдорова, известная писательница и поэтесса, —
Николаю Воронову**

Дорогой Коля!

Жаль, что ты не зашёл и не выслушал всё, что я приготовила тебе сказать по поводу твоего романа. Тогда я решила написать тебе.

Во-первых, я не оговорила, вопреки уверениям «Нового мира», что «Юность в Железногорске» — повесть. «Юность в Железногорске» — самый настоящий роман. И я от души поздравляю с новым для тебя жанром. Лично для меня ты начался с «Кассирши». Великолепный был рассказ. Знаешь, даже не хотелось, чтобы ты писал в ином жанре. В романе я как-то не представляла тебя. Но вот переого мною твоя «Юность»... И вот во мне начинает шевелиться не то чтобы хорошая зависть, а своё собственное желание, вернее, сожаление, что я могла бы рассказать о вещах не менее интересных, да вот не собралась, не рассказала.

Дело в том, Коля, что Сибирь, Урал — это кладёзь великолепных гражданских симфоний. По ту и по эту сторону Уральского хребта жили (да и живут) легендарной терпеливости люди. Тут я могу отдать пальму первенства только ленинградцам, перенёсшим тяготы Гражданской войны, а потом блокады.

Сначала я читала одна, потом подключила... Васю (супруга — выдающегося поэта Василия Фёдорова. — И. В.)... Я читала ему вслух девятую и десятую главы (уже под конец), когда отец с матерью разводились (одиннадцатую).

Как это здорово об отце: «Он не скрывал радости, что вырвался оттуда — из сложностей, тревог, бессонницы... Я... живу просто. В этом, Маруська, больше счастья!..» И вообще, твой отец всё время зрим. Выписал ты его, если переводить на живопись, по-рембрантовски — мрачновато и подробно: «На голенищах хромовых сапог прядали отсветы судебных окон. Кавказский ремешок перехватывал в поясе косоворотку. На чёрную пиджачную спину были накинuty концы кашне. Ослепительная белизна кашне подчёркивала дегтярную коричневую щёк, вспушённый расчёской надо лбом смолевой чуб».

Над языком твоего романа у меня всё время замирало сердце: «гнущееся облако птиц», «сам себе властелин и всему

открыватель». Именно открыватель, и так бывает не тогда, когда мы путешествуем по незнакомым местам, а именно в детстве!..

...Главное достоинство, что тебя всё время не покидает чувство правды...

...Единственная у меня к тебе претензия, Коля. Я не почувствовала аккорда, когда началась война. Толчка не было, понимаешь?

«В компании Зернова кто-то промолвил пересохшим голосом:
— Война!»

Ты мог сделать это оглушительным, но почему-то не сделал. А ведь было именно так: оглушительно. Я помню свою собственную оцепенелость на Пушкинской площади, когда услышала первое слово «война». Почему-то сразу во мне всё кончилось. Не от страха. Нет, от какой-то высшей несправедливости. И долго. Долго не начиналось. А когда «начиналось», я тут же побежала записываться на курсы медсестёр...

Вот так, товарищ романист Николай Воронов!

Прости за сумбур. В беседе за столом я бы сказала тебе больше и интереснее.

Молодец ты! Дивлюсь, когда ты успевал его писать. Держи так и дальше! Вася сказал: «У него прекрасная наполненность страницы, пустых — нет». Ему очень понравился образ отца, сцена суда, где разводят. И вообще весь ТОТ ДЕНЬ. Он сказал, что ТЫ ПИШЕШЬ ГУСТО, ЗРИМО И ПОПУСТУ СЛОВ НЕ ТРАТИШЬ...

Обнимаю вас всех. Ваша Лариса Фёдорова.

8 февраля 1969 года.

С учителем Константином Паустовским. Калуга, 1964 год

Николай Воронов. Фото для
журнала «Дружба народов».
1974 год

Коля!

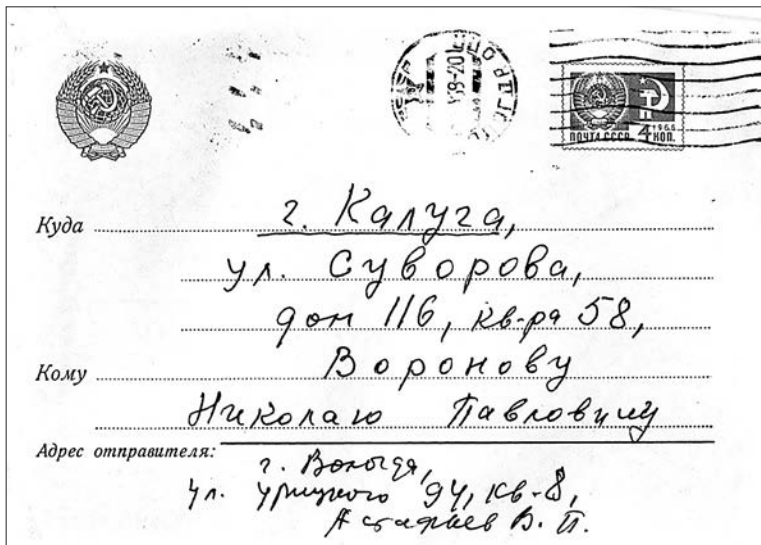
О какой-то фотосессии говорил
в 12-и, Н. В. только побед. Сказал,
что по поводу адресу разрабатыв. Сказал,
Лей со статуей статуи и братишки
се говорят вышиб. [То же кампания гонимы
Николай побед, гонимы все гонимы, не
артистические отходы, но, побед, не гонимы.
И то сам в гонимых гонимы -
николай в гонимых гонимы, гонимы
побед. Гонимы гонимы гонимы, гонимы
гонимы гонимы гонимы.]

Перед гонимы гонимы, не гонимы
гонимы гонимы гонимы.

Разрабатыв, артистическо.

17 марта 1974 г.
14 Ленинский.
Колл, 15000 гонимы гонимы
и гонимы гонимы.
В. Войнович

Записка Тендрякова
с припиской Войновича

Письмо Астафьева